

Актеры и роли

Н. Бессмертнова и М. Габович в балете «Ромео и Джульетта»

Жизнь театрального спектакля (и не только балетного) естественно зависит от тех новых исполнителей, которые приходят в его сложившийся, установившийся художественный мир. Это неоднозначный процесс — обогащения хореографии, режиссуры старого спектакля современным исполнительским опытом: тут от актера требуются тонкость и художественная чуткость, умение найти органическое единство заданной стилистики и собственной индивидуальной манеры. Опасно разрушить старое, ничего не найдя взамен. Столь же опасно выстроить эффектную концепцию роли, которая окажется инородной для данной постановки. Но еще хуже — встать на путь слепого копирования предшественников — это не сохраняет, не продолжает жизнь спектакля, но по сути обрекает его на гибель.

Успех нового дуэта исполнителей — Н. Бессмертновой и М. Габовича в балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» — примечателен прежде всего тем, что хорошо известный спектакль приобрел какое-то необычное звучание, не утратив в своей художественной цельности.

Джульетту Наталья Бессмертнова танцевала и раньше, но, вероятно, первое выступление с новым партнером — это тоже дебют. Роль перематривается неизбежно. И многое в сегодняшнем исполнении Н. Бессмертновой оказалось незнакомым, отличным от предыдущих ее выступлений.

У Н. Бессмертновой есть свое четкое отношение к шекспировскому образу. Постановка Л. Лавровского предполагает преобладание актерских драматических выразительных средств над собственно танцевальными. Но Бессмертнова, не перематривая хореографическую часть роли, нашла в ней свой танцевальный рисунок, который органично вошел в ткань образа, раскрываемого посредством драматического выражения страстей и чувств, рисунок,

который помогает укрупнить характер, вывести его в сферу поэтическую.

Какая же она — Джульетта Бессмертновой? Как складывается ее образ, если попытаться перевести его с языка пластики на язык слов? Прежде всего, перед нами не наивное робкое создание, переживающее пору первого влечения и томительный переход от девичества к зрелости. Никаких сентиментов, никакого кокетства, никакой ложно понимаемой романтичности. Джульетта — Бессмертновой — женщина Возрождения; ее душевный мир гармоничен, но не безмятежен. Она ощущает органичность жизни во всей естественности ее течения, но вместе с тем не лишена предчувствия трагических конфликтов. Вглядываясь в зеркало, она не ищет признаков наступающей зрелости, не смущена, не растеряна. Ее охватывает тревога, она мысленно переживает будущую драму.

В исполнении Н. Бессмертновой важна первая сцена — на балу с Парисом — Джульетта не чувствует себя здесь чужой: немного замкнута, чуть-чуть недоступна. Но Парис должен стать ее мужем, и она не отрицает такую возможность. Не исключено, что Парис привлекает ее. Такой подход обостряет драматизм сцены в спальне, отказ от брака с Парисом: тут уже действуют ненависть, гнев, ибо выбор сделан.

Кульминация роли у Бессмертновой приходится не на встречу с Ромео и не на свидание у балкона: история любви становится трагедией в третьем акте: бегство Ромео, разлука, одиночество (на мой взгляд, эта трактовка органично согласуется и с музыкой). А трагедия Джульетты в исполнении Н. Бессмертновой — именно одиночество, как вообще моему, — это главная тема всех ролей балерины.

Бессмертновой удалось передать самое сложное в роли — монолог героини перед первой мнимой смертью — эту вершину в драме Шекспира, который столь остро передал тему возмужания и духовного становления героев не через любовь даже (что может быть естественнее любви), а через осознание ими философии жизни, через столкновение их с реальностью смерти. Каждому герою в одиночестве приходится проделывать этот трагический путь. Ромео осознает его в сцене в Мантуе, получив известие о гибели Джульетты.

Монолог в Мантуе — актерская удача Михаила Габовича. Это не проходной, как бывает, эпизод. Герою надлежит уйти отсюда в трагедию, и Габович проводит сцену, хотя и строго, но с подлинной внутренней страстью.

Ромео М. Габовича романтичен, но без слащавости, без позы. Его Ромео — не неистовый любовник, не бесшабашный юноша, но тонкий, изящный, лишенный какой бы то ни было претенциозности герой романтической трагедии.

Рядом с Джульеттой — Бессмертновой, привычно загадочной, замкнутой, но не романтической, этот романтический Ромео не покажется случайным кавалером. Тут верное сочетание — с точки зрения самой пьесы. Ведь Джульетта у Шекспира внутренне взрослее Ромео, философски даже зрелее его — во взгляде на жизнь и понимание мира. Джульетта ведет за собой Ромео, она — двигатель трагического действия. Бессмертнова нашла удачный в этом плане пластический лейтмотив роли — динамика почти непрерывно повторяемых жете, при удлинённых линиях балерины, создает образ активного характера, передает поэтическую решительность и недетское мужество героини.

Ромео Габовича — благороден. Эта роль, на мой взгляд, подтверждает наличие у танцовщика интересной актерской индивидуальности и

его стремление отойти от канонических приемов выразительности. В исполнении Габовича привлекательны прежде всего чувство меры и истинно художественная простота в выражении пантомимного строя лексик. Опорной сценой в решении образа становится эпизод у балкона. Для этого Ромео чрезвычайно важна «история» с маской. На игре с ней Габович строит весь первый акт: это романтический образ таинственного, скрытого чувственного начала, которому суждено вырваться в экспрессии танца-свидания. Маска сброшена; маска-нимя, маска-предвзвешенность, маска-закон. Нет ни Монтекки, ни Капулетти, одно лишь чувство, связующее героев в дуэт, низвергающее их в пучину бедствий и дарующее им познание вечных истин жизни.

Дебют в этом спектакле — серьезное испытание, я бы сказал, творческой самостоятельности исполнителей, их художественного мышления. Спектакль диктует свои законы, но возможности интерпретации музыки и трагедии Шекспира не исчерпываются заданными выразительными приемами. Мы часто к месту и не к месту употребляем слово современность, не задумываясь, что стоит за этим понятием. В данном случае это высокая художественная культура исполнителей, отличное понимание ими материи, являющейся признаком не только уверенного мастерства, но и современного прочтения старого спектакля. В этом — главный итог выступления Н. Бессмертновой и М. Габовича.

А. ДЕМИДОВ.

На снимках: М. Габович — Ромео и Н. Бессмертнова — Джульетта. Фото Г. Соловьева.

